

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“20”

EDN CPJMMT

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-84-93>

ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА В ВОСПРИЯТИИ РУССКОГО ФИЛОСОФА АЛЕКСАНДРА КОНСТАНТИНОВИЧА ГОРСКОГО

Пяткин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского», Арзамас, Россия, nikolas_pyat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8659-7543>

Клековкина Ксения Сергеевна, студент историко-филологического факультета Арзамасского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского», Арзамас, Россия, klekovkinak@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2157-5326>

Аннотация. В статье предлагается первый опыт изучения рецепции творческой личности С.А. Есенина одним из видных представителей русского религиозного космизма, философом, поэтом, публицистом Александром Константиновичем Горским (1886–1943), наследие которого лишь недавно стало общедоступным для исследователей. Прослеживаются основные вехи творческой биографии Горского, становление и ключевые аспекты его философского учения; поясняются причины интереса Горского к поэзии Есенина, несмотря на отсутствие личных контактов между ними, эксплицируются и комментируются обращения философа, зафиксированные в его трудах и письмах, к избранным страницам житнетворчества поэта. Указывается, что в философских построениях Горского значительное место занимает критика смертобожнической (смертопоклоннической) установки как в литературе, так и в религии. Особое внимание авторов статьи сосредоточено на анализе мемориального стихотворения А.К. Горского «Есенин», где отчетливо проявляется эта установка. Показывается, что в этом произведении философ создает неоднозначный образ покойного поэта, который не только бездумно растратил богоданный талант, но и всю силу его подчинил идее самоуничтожения. Оспаривается авторская датировка мемориального текста – 1925 год – из-за присутствия в содержании лирической эпитафии реминисценций из поэмы «Черный человек», опубликованной только в январе 1926 года. Устанавливается, что в поздних трудах Горского обращения к творчеству Есенина потенциально могут свидетельствовать о переоценке философом прежних суждений о поэте. Материалы настоящей статьи будут востребованы при подготовке раздела «Есенин и его современники» в «Есенинской энциклопедии».

Ключевые слова: русский религиозный космизм, мемориальный текст «Есенин», лирическая эпитафия, житнетворчество, смертопоклонничество, смертобожничество.

Для цитирования: Пяткин С.Н., Клековкина К.С. Творческая личность Сергея Есенина в восприятии русского философа Александра Константиновича Горского // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 84–93. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-84-93>

Research Article

THE CREATIVE PERSONALITY OF SERGEI YESENIN IN PERCEPTION OF THE RUSSIAN PHILOSOPHER ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GORSKIY

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philological Sciences, professor of the Chair of Russian Language and Literature of the Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Arzamas, Russia, nikolas_pyat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8659-7543>

Ksenia S. Klekovkina, student of the Faculty of History and Philology Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Arzamas, Russia, klekovkinak@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2157-5326>

Abstract. The article offers the first experience of studying the reception of the creative personality of Sergei Yesenin by one of the prominent representatives of Russian religious cosmism, philosopher, poet, publicist Aleksandr Konstantinovich Gorskiy (1886–1943), whose legacy only recently became publicly available to researchers. The main milestones of Aleksandr Gorskiy's creative biography, the formation and key aspects of his philosophical teaching are traced; the reasons for Aleksandr Gorskiy's interest in Yesenin's poetry are explained, despite the lack of personal contacts between them, the philosopher's appeals, recorded in his works and letters, to selected pages of the poet's life are explicated and commented

on. It is indicated that in Aleksandr Gorskiy's philosophical constructions, a significant place is occupied by criticism of the death-worshipping attitude both in literature and in religion. The authors of the article pay special attention to the analysis of Aleksandr Gorskiy's memorial poem "Yesenin", where this attitude is clearly manifested. It is shown that in this work the philosopher creates an ambiguous image of the late poet, who not only thoughtlessly squandered his God-given talent, but also subordinated all his power to the idea of self-destruction. The author's dating of the memorial text – 1925 – is disputed due to the presence in the content of the lyrical epitaph of reminiscences from the poem "The Black Man", published only in January 1926. It is established that in Gorskiy's later works, references to Yesenin's work could potentially indicate a reevaluation of the philosopher's previous judgments about the poet. The materials of this article will be in demand with preparing the section "Yesenin and His Contemporaries" in "Yesenin Encyclopedia".

Keywords: Russian religious cosmism, memorial text "Yesenin", lyrical epitaph, life-creativity, death-worship.

For citation: Pyatkin S.N., Klekovkina K.S. The creative personality of Sergei Yesenin in perception of the Russian philosopher Aleksandr Konstantinovich Gorskiy. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No 2, pp. 84–93 (in Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-84-93>

Количество стихотворений, посвященных памяти Сергея Есенина, вряд ли поддается точному исчислению. Как отмечают авторы-составители «Летописи жизни и творчества С.А. Есенина», эти произведения создавали «не только известные поэты, но и рабочие, крестьяне, военнослужащие, представители интеллигенции, учащиеся – люди, потрясенные известием о смерти любимого поэта и, может быть, впервые написавшие поэтические строки» [Летопись: 399]. И далеко не все стихотворения на смерть Есенина в силу разных обстоятельств и причин были, что называется, своевременно опубликованы (а некоторые и вовсе пока еще не дошли до читателя), причем принадлежавшие не только авторам из обширного сообщества «народной поэзии», но и профессиональным литераторам. К числу последних относится русский философ, поэт, публицист, один из ярких представителей религиозного космизма Александр Константинович Горский (1886–1943), чей мемориальный текст о Есенине («Есенин»), написанный вскоре после его смерти, был обнародован только в 2018 году. А до этого времени, по крайней мере в есениноведческих источниках, никаких сведений о нем нет.

В последнем томе «Летописи...» в разделе «Памяти Есенина» есть упоминание о некоем Горском (без указания инициалов) как поэте, прочитавшем свои стихи, «посвященные памяти ушедшего», 13 января 1926 года на есенинском вечере, что состоялся «в помещении Воронежской консерватории» и был организован «секцией работников печати и воронежской организацией "Чернозем"» [Летопись: 366]. В данном случае речь идет об однофамильце Александра Константиновича Горского. Сам же философ в своей жизни с Воронежем связан не был и никакого отношения к местному писательскому объединению не имел. К тому же в январе 1926 года, по его собственному признанию, сделанному в письме к другу и единомышленнику Н.А. Сетницкому, он «утонул с головой в густо-атмосферической Москве» [Горский 2: 377] и за пределы столицы не выезжал.

Личность А.К. Горского, как и его труды, совсем недавно стали предметом научного изучения в российской гуманитаристике, где исключительный вклад принадлежит крупнейшему специалисту по русскому космизму А.Г. Гачевой, подготовившей двухтомное собрание сочинение и писем философа по материалам его архива и опубликовавшей ряд исследований об эстетике и художественной практике Горского [Гачева 2018; 2019; 2023].

Как известно, источником, своеобразным корнем русского космизма послужили труды выдающегося отечественного мыслителя, скромного работника Румянцевского музея Н.Ф. Федорова (1829–1903), и в первую очередь его работа «Философия общего дела». Учение Федорова было столь глубоким и многогранным, что оказало мощное влияние на становление и развитие многих философских школ в России и Европе и стало творческим базисом двух автономных, концептуальных ветвей русского космизма – естественнонаучной (Н.А. Умов, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский и др.) и религиозной (В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев и др.).

В результате последовавших друг за другом в 1917 году революционных событий, печально знаменитого «философского парохода» к концу 1922 года в Советской России будущее религиозного космизма выпало на долю четырех деятелей: богослова, отца Павла Флоренского (1882–1937) и продолжателей идей «Московского Сократа» – А.К. Горского, В.Н. Муравьева (1885–1932), Н.А. Сетницкого (1888–1937) (подробнее см.: [Салмина, 2005]). Противопоставляя марксистскому социальному эталону концепцию христианского дела, которое бы охватывало все сферы жизнедеятельности, философы-космисты стремились «вынести литургию за стены храма» [Федотов: 83], достичь той стадии в духовной эволюции человечества, когда мир бы облекся Преображающим светом и Бог бы был «всяческая во всем» (1 Кор.15: 28).

Александр Константинович Горский, начиная свой путь как обычный мальчик из священнической семьи, жаждал выйти за пределы «храмовой литур-

гии», объединить человечество в воскресительном долге, невозможном «без веры в свою душу и в ее бессмертие» [Достоевский 13: 387]. Закончив Черниговскую семинарию, а затем и Московскую духовную академию, Горский по благословению одного из старцев, жившего на территории Троице-Сергиевой лавры, уходит нести свою миссию за пределы «храмовых стен». Он, подобно Алеше Карамазову, уходит в мир не для безблагодатной гедонистической жизни, а для воплощения той вечной «общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону», которую пророчил в своей «Пушкинской речи» Достоевский [Достоевский 14: 439]. Целью своей жизни Горский, открывший для себя жизнестроительное учение Н.Ф. Федорова и ставший одним из самых твердых его последователей, сделал веру в возможность построения «Царства Божия» на земле, «восстановление мира в то благолепие нетления, каким он был до падения» [Федоров: 401]. Эта идея зримо предстанет в первом поэтическом опыте А.К. Горского (под псевдонимом «А. Горностаев»; им впоследствии Горский будет подписывать большинство своих работ) – стихотворном сборнике «Глубоким утром» (1913), художественным и философским средоточием которого является «образ предрассветного чаяния, образ земли, готовой к встрече с Христом, Солнцем мира» [Гачева 2018: 204].

Эта книга подготовлена Горским в Одессе, куда он переезжает из Москвы, получив место преподавателя духовной семинарии и гимназии, и где ему будет предназначено пережить и начало Первой мировой войны, и две революции, и братоубийственную Гражданскую войну. Здесь, в Одессе, в полную силу он сможет творчески реализовать свои ранние интересы и увлечения, связанные с судьбами композиторов (А.Н. Скрябин, А.В. Ребиков), философов (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев), поэтов и писателей (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, А.К. Толстой, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.А. Блок, А. Белый). В это десятилетие окончательно в сознании А.К. Горского определится заглавная задача не только искусства, но и всех сфер социальной деятельности человека: «не просто воспринять и нести благую весть о “новом небе и новой земле”, но и в синергии с Творцом прямо содействовать ее воплощению» [Гачева 2018: 205].

В 1922 году Горский с женой, певицей и пианисткой Марией Яковлевной, урожденной Монзалевской (1893–1972), переезжает в Москву, продолжая интенсивную творческую жизнь.

В столице он пишет один из главных своих философских трудов «Огромный очерк» (1924), в котором, обращаясь, казалось бы, к совершенно отличным друг от друга мирозерцательным явлениям (идеи Платона и практики йоги, фрейдистское учение и опыт пер-

вохристианских подвижников), прочитывая Пушкина и Лермонтова в свете концепций Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева, выводит органическую «формулу», объединяющую «темы смысла искусства и смысла любви» [Горский 1: 11] и становящуюся для мыслителя залогом абсолютного жизнотворчества и духовного преодоления художником смерти. Эта «формула», отчасти обнаруживающаяся в ранних работах Горского, творчески обогащаясь, в той или иной мере дает о себе знать в его «блоковском» цикле статей («Красная тайна (Россия в поэзии А. Блока)», «Крест над вьюгой (О “Двенадцати” А. Блока)»), в незавершенном труде «Магический кристалл» о романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин», философско-эстетических этюдах о Толстом, Достоевском, Горьком.

Письма А.К. Горского 20-х гг. свидетельствуют о его насыщенной публичной деятельности в Москве и широком диапазоне контактов, что, кстати сказать, не отменяло церковной жизни философа: вместе с женой он был прихожанином церкви Святой Живоначальной Троицы в Никитниках. Несмотря на то, что у Горского и Есенина в столице был довольно представительный круг общих знакомых, их встрече не суждено было состояться, хотя, по словам философа, она планировалась, а ее инициатором выступал поэт. Вот как об этом с нескрываемым сожалением пишет А.К. Горский в мае 1926 года Н.А. Сетницкому: «Очень я был огорчен на Пасхе известием, что генерал Брусилов последние месяцы все ждал меня, желая познакомиться с учением Н.Ф. [Федорова] (узнал через С.П. Бартенева), не дождался и умер неожиданно.

Такая же провокация вышла с Есениным» [Горский 2: 388].

Интерес поэта к идеям Н.Ф. Федорова отнюдь не случаен. В современной философской науке твердо обозначается, что интеллектуальный потенциал творческого мировидения Есенина сопряжен концепции русского космизма. Так, например, специалист в области софиологии Н.П. Мониная, эксплицируя и анализируя «поэтическую транскрипцию идей русского космизма» в литературе Серебряного века, в первую очередь обращается к художественному сознанию Есенина, указывая, что его космистские представления «проявляются в естественной связанности всего живого: космоса – человека – природы, в восприятии мира как живого мироздания, в космической гармонии и космической этике» [Мониная: 337, 329].

Богатейшая литературоведческая практика, актуализирующая мировоззренческие основы поэзии Есенина, неоспоримо свидетельствует, что в ней «обнаруживается оригинальная философия природы, философия истории, философия искусства, философия человека, философия образа» (курсив автора. – С. П.) [Воронова 2012: 31]. Мы особо выделяем научные труды авторитетного ученого О.Е. Вороно-

вой, в которых детализируется, наполняясь концептуальным содержанием, картина истоков, становления и развития религиозно-философских идей Есенина в органическом синтезе с поэтикой его художественного творчества [Воронова 2011; 2015; 2016а; 2016б; 2016в]. Показателен в данной связи опыт интерпретации исследователем поэмы «Пантократор», одной «из самых “космических” поэм революционно-романтического цикла Есенина», в завершении которого обоснованно говорится, что автор «развивает в финале поэмы мысли, близкие идеям Н.Ф. Федорова и Ключева, испытавшего на себе в молодости значительное влияние этого философа. Революция мыслится Есенину как возможность преодоления смертной природы человека, как метафизический переворот, совершающийся в сфере духа, делающий возможным воссоединение земли и неба, встречу ушедших с живыми» [Воронова 2016б: 28–29].

Приведенное выше высказывание Горского, кажется, вполне убеждает в том, что несостоявшаяся встреча с Есениным огорчила философа не меньше, чем навсегда упущенная возможность стать собеседником прославленного генерала Брусилова. И можно предположить, что желание познакомиться друг с другом у Горского и Есенина было взаимным.

О поистине живом интересе философа к личности Есенина говорит и сам факт написания стихотворения на смерть поэта, на похоронах которого, что важно подчеркнуть, автор лирической эпитафии присутствовал (см.: [Горский 2: 380]), и его нередкие обращения в трудах и письмах к поэзии и творческой судьбе Есенина, и, быть может, в высшей степени – запоминающаяся аттестация, данная Горским: «самый певучий и пленительный из молодых русских поэтов наших дней» [Горский 1: 724].

Однако здесь следует сделать одно важное уточнение, во многом проясняющее причины этого интереса. В философских построениях Горского исключительное значение принадлежит идее жизнотворчества, противостоящей «смертобожнической установке» «в поэзии, культуре, религии» [Гачева 2019: 154]. В трагической гибели Есенина философ и видит закономерный финал поэта-«смертопоклонника», который «кошмарным самоистреблением» растратил величайший Божий дар [Горский 1: 724]. Неслучайно имя Есенина фиксируется в письменных источниках Горского, что, как правило, датируются позже 1925 года. И обращения к личности поэта у философа (а оно идет у него всегда в одном ряду с именами самых значимых фигур отечественной литературы) становятся по большей части яркой эмоционально-образной иллюстрацией стоического неприятия идеи смертопоклонничества в искусстве. Так, в незавершенном очерке «Очная ставка» (начало 30-х гг.), относя к области наивных восторгов читателей их изумление «про-

роческому дару» русских классиков, «предвидевших и описывающих род своей смерти», Горский называет такое пророчество «сдачей позиции», ослабляющей «сопротивление жизненной силы» [Горский 2: 94–95]. По мысли философа, все это, вынуждая «художника “день каждый, каждую минуту” провожать мыслью о смерти, где-то и как-то долженствующей быть посланной “судьбиной” (Пушкин), о пуле, которую кто-то для него уже отливает (Гумилев), о рукаве, на котором придется повеситься (Есенин), <...> не может не расцениваться в глубине сердца как постыднейшее малодушие и предательство...» [Горский 2: 95].

В развитие данной темы Горский далее указывает на роковое обстоятельство, что чаще всего обуславливает немощь души у «творца слова». Это его «самосуд», что, «выпадая из творческого плана, принимает характер расправы, темного, хаотического, стихийного *взрыва*», заставляющего «художника либо стремиться к ликвидации собственной жизни (как это ярко продемонстрировали на наших глазах ряд поэтов, кончая Есениным и Маяковским), либо порываться к истреблению своих творений (как это сделал Гоголь, как мечтал Блок: “Молчите, проклятые книги! Я вас не писал никогда”» (курсив автора. – С. П.) [Горский 2: 97].

В письме к своей младшей сестре Нине Константиновне Горской (конец 1934 года), наставнически размышляя о ее поэтических опытах, философ предупреждает об опасности, что таят «смертопрославительные стихи», даже если они не выражают подлинных настроений авторского сознания: «Нельзя не мечтать безнаказанно». А затем, апеллируя к трагическим страницам истории русской словесности, приводит твердый аргумент своей позиции: «Есенин домечтался, как он “на рукаве своем повесится”. Блок, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, все, кто хочешь, точно намечтали и накликали способы своей гибели. Неужели не интересно попробовать: а что выйдет, если наглухо закрыть шлюзы подобным мечтам» [Горский 2: 512].

Согласимся, что это эпистолярное высказывание воспринимается опрошенной формой отточенных и эффектных суждений А.К. Горского из философского очерка «Очная ставка», не теряя при этом ни глубины мысли, ни четкости оценки, которые ранее определили идейно-эстетическое звучание стихотворения на смерть Есенина. Вот его текст.

ЕСЕНИН

Слышно страшное в судьбе наших поэтов.

Н. Гоголь

Отпусти в закат!

С. Есенин

Закат клокочет... В облаке ль, в душе ль...

Так много золота не чаял и во сне ты!

... Не снес богатства лопнувший кошель:
Дождем просыпались монеты...

Злой сад эфирных ядов и зараз!
Беда, беда, в ком цвел он слишком пышно!
О, страшный мир! Его не знает глаз...
О, страшно все, что только слышно!

Откуда жгут и падают слова?
Что там гудит? Кто там поет и пляшет?
Беспомощно слепая голова,
Как птица крыльями, ушами машет...

В волшебные и бешеные дни
Кто там встает? Кто так глядит в упор нам?
Полмира спит и прячется в тени,
И тень хохочет человеком черным.

... Вот – снова крик... опять незримых крыл
Шумящий взмах... Обида или победа?
В висках вершин внезапный вихорь взмыл
И гарпии уносят Ганимеда.

<1925> [Горский 2: 204]

Первый эпиграф к лирической эпитафии Горского – цитата из очерка Н.В. Гоголя «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846), что служит отправной точкой размышлений писателя о роковой участи заглавных персон отечественной словесности: «...Слышно страшное в судьбе наших поэтов. Как только кто-нибудь из них, упустив из виду свое главное поприще и назначение, бросался на другое или же опускался в тот омут светских отношений, где не следует ему быть и где нет места для поэта, внезапная, насильственная смерть вырывала его вдруг из нашей среды. Три первостепенных поэта: Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, один за другим, в виду всех, были похищены насильственной смертью в течение одного десятилетия, в пору самого цветущего мужества, в полном развитии сил своих – и никого это не поразило» [Гоголь: 402–403].

Если первым эпиграфом автор мемориального текста включает имя Есенина в один ряд с «первостепенными поэтами» русской литературы, которым была уготована «внезапная, насильственная смерть», «страшное в судьбе» (в поздних трудах философа, как мы уже отмечали, это станет едва ли не «общим местом»), то вторым – финальной строкой из стихотворения Есенина «Проплясал, проплакал дождь весенний...» (1917) – он ясно указывает на закономерное, самим поэтом предначертанное трагическое завершение его жизненного пути. Дело в том, что в этом стихотворении Горский видел эстетически кристаллизованную идею смертобожничества поэта, некую изначальную формулу его скорбной судь-

бы, что подтверждается контекстом цитат из данного произведения в работе о Н.Ф. Федорове «Огромный очерк», датированной 1924 годом: «...художник сам глубоко усомнился в праве своем на существование. <...> Зачем творить, к чему петь? Все равно “не будишь ты своим напевом дедовских могил”, “не изменят лик земли напевы, не стяхнут с листа”» [Горский 1: 724].

Метонимические эпиграфы у Горского актуализируют концептуально-смысловое пространство текста и определяют его лексико-стилистический и экспрессивно-эмоциональный строй. Начальное слово эпитафии («закат»), повторяя финал стихотворения «Проплясал, проплакал дождь весенний...», манифестирует авторскую интенцию продолжения и одновременно завершения программного есенинского произведения как житнетекста поэта, который оказывается полностью лишенным душевспасительных откровений. Основное содержание мемориального произведения строится на реминисценциях и аллюзиях к поэзии Есенина, что предстают очевидными маркерами его «кошмарного самоистребления». Всеохватывающее ощущение «страшного» в судьбе поэта, добровольно ушедшего из жизни, пронизывает всю ткань лирического повествования («страшно все»), стремительно усиливаясь от одной образной картины к другой, которые, как мозаика, образуют панораму обреченного мира.

Неслучайно появление в эпитафии темы «страшного мира» А. Блока. С одной стороны, она, глубоко осмысленная философом в его научно-публицистической блоковиане 1918–1919 гг., вполне органично вырастает из первого эпиграфа, словно бы соединяя «век нынешний и век минувший». С другой, что более важно, эта тема фокусирует проблему житнетворчества в искусстве, порождающего дух и плоть «страшного мира», в котором безраздельно властвует смерть. В стихотворении Горского завершающий акт такого житнетворчества у Есенина олицетворен персонажами его поэмы «Черный человек»¹. Исключительная выразительность этих образов, подчеркивающая трагическую безысходность поэта, достигается за счет их художественной трансформации («Беспомощно слепая голова, / Как птица крыльями, ушами машет...», «Полмира спит и прячется в тени, / И тень хохочет человеком черным») и насыщения текста многоточиями и риторическими вопросами, репрезентирующими пространственно-объектную неопределенность изображенного мира («Откуда жгут и падают слова? / Что там гудит? Кто там поет и пляшет?», «Кто там встает? Кто так глядит в упор нам?»).

Присутствие в содержании эпитафии реминисценций из «Черного человека» Есенина заставляет усомниться в ее авторской датировке. Поэма была опубликована в 1926 году в январской книжке «Но-

вого мира», и в конце 1925 года Горский, никогда не встречавшийся с Есениным, познакомиться с текстом «Черного человека» не мог. Вероятнее всего, дата, выставленная под стихотворением, означает начало работы над ним, которая была завершена не раньше начала февраля 1926 года.

В марте того же года в письме А.К. Горского Н.А. Сетницкому содержится первое упоминание об этом произведении, автор которого сначала дает критический отзыв об эпитафии адресата («Ваше стихотворение на смерть Есенина очень содержательно, но, мне кажется, недостаточно лирично...»²), затем пытается определить эстетический канон стихотворения *in memoriam* («а между тем именно этого качества ждешь, когда тема – смерть лирика»), а в итоге не менее критично высказывается о собственном поэтическом опыте: «Я тоже написал нечто о погребении, на котором присутствовал, но не очень доволен своим» [Горский 2: 380].

Обращает на себя внимание то, что автор письма в определении темы мемориального текста (и своего, и чужого) использует оборот «смерть лирика», предпочитая его традиционному в данном случае словосочетанию «смерть поэта». И такая языковая избирательность Горского соответствует дискурсивной логике его литературно-философских воззрений, в системе которых понятие «лирика» имеет весьма примечательные коннотации. Так, в статье «Крест над вьюгой», дискутируя с Блоком о назначении лирики, Горский в императивном ключе заявляет, что «она строит жизнь... не создать лишь несколько райских песен она должна – а переделать все – весь ад окружающей жизни превратить в рай». И при этом «всякая лирическая песнь... проект – преобразование – безобразной жизни в прекрасную, лирическая тема – это зерно какого-то творческого плана...» (курсив автора. – С. П.) [Горский 1: 257]. Следовательно, «качество» «лиричности», которое Горский видит обязательным условием в стихотворениях, написанных на смерть поэта, должно проявляться в этико-художественной репрезентации отличительных черт преобразующего жизнестроительства, характеризующих творческое сознание лирика. Однако в решении этой сверхзадачи Горский избирает совсем другой путь: в художественной оптике текста располагается жизнестроительство совершенно иного рода.

Развитие сюжета в стихотворении «Есенин» подчинено движению авторской мысли от аллегории жизнестроительского потенциала поэта («... Не снес богатства лопнувший кошель: / Дождем просыпались монеты») к аллегорической картине его смерти: «И гарпии уносят Ганимеда».

В начальной строфе акцентируется идея поэтического таланта, который не стал для лирика залогом «литургического, перестраивающего всю жизнь дей-

ствия» [Горский 1: 257]. Наоборот, художественный дар, как это с болью и ужасом открывает для себя автор стихотворения, служит тому, что творческая личность поэта вбирает в себя «весь ад окружающей жизни» и растворяется в ней.

Концептуальной основой финальной аллегии у Горского выступает популярный в античном изобразительном искусстве сюжет «похищение Ганимеда». Но если в древнегреческой мифологии сына троянского царя Троса и нимфы Каллирои похищает Зевс, чтобы вознести на Олимп, где юноша будет служить богам, то в эпитафии Ганимеда уносят гарпии – полуженщины-полуптицы, обитательницы Аида, «злые похитительницы человеческих душ» [Мифы: 265, 266]. И план изображения, и план выражения заключительной строки органичны содержанию мемориального стихотворения Горского. Как вполне органично в контексте художественной биографии Есенина его отождествление с Ганимедом, *юношей-настухом необычайной красоты*. Кажется естественным здесь и то, что «вызванный» поэтом страшный, демонический мир в облике уродливых гарпий забирает своего создателя.

Горский, обращаясь к мифологической архаике и посредством приема монтажа трансформируя два самостоятельных античных сюжета в один, не только создает впечатляющий живописный образ, индизомно являющийся собой неизбежный итог есенинской судьбы, но и тем самым задает ценностные смыслы, в пространстве которых, по убеждению автора эпитафии, будет существовать поэт в памяти потомков³. И эти смыслы, что очевидно, не будут обращены к величайшему песенному дару Есенина, выразившему «нежность грустную русской души», к его «половодью чувств», вобравших в себя одухотворенную красоту родной природы, к его главной лирической теме, напитанной «одной большой любовью», – теме Родины⁴.

Содержание эпитафии Горского конституирует образ поэта, который не только бездумно растратил боготворенный талант, но и всю силу его подчинил идее самоуничтожения. По всей видимости, смертопоклонничество для автора стихотворения и есть то «страшное в судьбах русских поэтов», что еще раз подтверждено трагедией Есенина.

Вместе с тем говорить о схематичной одномерности воззрений философа на жизнестроительские стратегии отечественных классиков литературы, определяющие идейно-эстетическое содержание их произведений, было бы ошибочным. Это, в частности, полностью подтверждает исследование А.Г. Гачевой, посвященное изучению философско-критического очерка Горского «“Крест над вьюгой” (О “Двенадцати” А. Блока)». В своей работе ученый убедительно доказывает, что «Блок, по мысли Горского, вовсе

не выступает в “Двенадцати” апостолом отчаяния и безнадежности... Поэт-интеллигент ищет выхода, причем ищет его вместе со своими героями, символизирующими народное целое, с этими двенадцатью, которые составляют говорящее “апостольское число”» [Гачева 2018: 209].

В данной связи, возвращаясь к проблеме рецепции А.К. Горским творческой личности Есенина, стоит обратить внимание, по крайней мере, на два факта, свидетельствующих о неоднородном восприятии философом художественного мирозерцания поэта и его духовно-эстетических потенций.

В литературно-публицистических заметках «Творческая непрерывка» (ориентировочно начало 30-х гг.) Горский, прочитывая программные произведения А.С. Пушкина «сквозь призму “этики преображенного эроса”» [Горский 2: 881], обращается к символическому образу Черного человека, выходя при этом далеко за пределы, «заданные» ему автором драматической сцены «Моцарт и Сальери». Горский неожиданно опознает в этом inferнальном образе символическое воплощение «классового врага» всего рода человеческого, поскольку в нем сосредоточена, по мысли философа, идея пассивного жизнотворчества («желание царствовать на боку»), что и стало причиной трагедии пушкинского Моцарта и опосредованно самого Пушкина. По Горскому, только Есенину удалось разгадать и изобразить подлинную сущность Черного человека; в последней поэме Есенина философ прощательно рассмотрел акт высокой творческой воли автора-художника, направленный на утверждение торжества жизни. И такая точка зрения Горского обусловила критическую переоценку – пусть в заметках и тезисно изложенную – его прежних суждений об этой поэме Есенина и нем самом, а также некоторых собственных религиозно-философских идей: «как велика *заслуга Есенина* (и как смешон Крученых, да и сам Горностаев [Горский], ограничившиеся тогда лишь воспроизведением Свето-Человека, но не вскрывшие классовой сущности Черного...)» (курсив автора. – С. П.) [Горский 2: 20].

И еще один, пусть и не самый очевидный факт. В период с 1938 по 1943 год Горский создает необычный стихотворный цикл «Песни без недомолвок». В нем собраны стихотворения русских поэтов (от Батюшкова до Лебедева-Кумача), которые получили новое этико-художественное завершение, сочиненное философом и пронизанное «духом активного, творческого христианства» [Гачева 2019: 154]. И такие концовки (а они в ряде случаев, как, к примеру, в стихотворении Н. Гумилева «Несравненное право», кратно превышают оригинальный текст) призваны снять, зачастую в ироническом ключе, смертопоклоннические установки, отчетливо проявляющиеся, как считал Горский, в программ-

ных произведениях поэтов. Есенина в круге избранных философом для «исправления» девятнадцати авторов нет. Но здесь примечателен следующий нюанс. Первоначально цикл задумывался как песенный и собирался из текстов, которые уже были положены на музыку как известными музыкантами, так и женой Горского (подробнее об этом см.: [Горский 2: 918]). А она, что следует из уже упомянутого письма Горского Н.А. Сетницкому (март 1926), посвоему отозвалась на смерть Есенина, написав музыку на его стихотворение «Проплясал, проплакал дождь весенний...». Сеем полагать, что на репертуарном решении Марии Яковлевны сказало влияние ее мужа, для которого этот есенинский текст, о чем мы говорили выше, пророчески олицетворял трагическую судьбу поэта. Песенная версия стихотворения, что любопытно (и тут мы тоже предполагаем влияние Горского), завершается строками, заимствованными из поэмы Есенина «Преображение» (сами строки в письме не приводятся) [Горский 2: 380]. Она занимает одно из центральных мест в «необиблейском эпосе» поэта, а ее заглавная тема, как это убедительно доказывает С.Г. Семенова, – «в активности самого человека», «взыскание синергии, бытийственного сотрудничества с Богом» [Семенова: 368]. Есенинская картина миротворения в «Преображении», где манифестируется мысль о преодолении смерти и устройении земного рая (см.: [Воронова 2002: 298–309; Серегина, Субботин]), отчетливо перекликается с философско-теургическим содержанием жизнестроительных идей Горского. Творческая переработка стихотворения «Проплясал, проплакал дождь весенний...» в духе будущих «Песен без недомолвок» состоялась без прямого поэтического вмешательства автора этого цикла, разглядевшего в художественном наследии Есенина высшие потенции к реальному, лишенному апокалипсических настроений преображению мира, сакральным итогом которого становится «Царство Божие на земле». Попросту говоря, Есенин был «исправлен» стихами самого Есенина, и, видимо, поэтому ему не нашлось места в цикле Горского.

Над «Песнями без недомолвок» философ начнет работать в Калуге, куда будет вынужден переселиться, выйдя из заключения, к которому был приговорен летом 1929 года по «стандартному» для того времени обвинению: «участие в контрреволюционной организации» [Макаров]. Находясь на иждивении своей жены и не имея ни малейшей возможности публиковаться, хотя неоднократно предпринимая для этого попытки (направляет в периодическую печать юбилейные статьи о Пушкине и Блоке), Горский продолжает много и плодотворно трудиться. Его насыщенная творческая жизнь не прекратилась и с началом Великой Отечественной войны, когда Калуга оказа-

лась оккупированной фашистами. Спустя год после освобождения города Горский будет снова арестован и этапирован в Тульскую тюрьму.

В ходе следствия «Горскому припомнили все “грехи” перед Советской властью» и обвинили в шпионской деятельности и антисоветской агитации. Окончательного решения по своему грубо сфабрикованному делу философ не дождался: он умер 24 августа 1943 года в Тульской тюремной больнице. 15 апреля 1999 года постановлением прокуратуры Московского военного округа Александр Константинович Горский реабилитирован посмертно [Макаров].

На последнем допросе Горский заявил: «Я принял революцию и Советскую власть потому, что в них было заложено то, что двигало человечество вперед, к осуществлению мечты о полном овладении всеми силами природы, вплоть до полной ликвидации идиотизма природы – смерти и умирания. Но в действительности я вижу ту же мещанскую покорность природе и отсутствие борьбы за осуществление идеалов и мечтаний и не смогу с ним примириться» [Макаров].

Слова Горского – квинтэссенция его философских и социально-политических убеждений, которые окончательно сложились в 30-х годах, когда для него со всей очевидностью стало понятным фатальное расхождение декларативных постулатов большевистской идеологии и той безотрадной, не имеющей «целостного идеала» жизни, что все прочнее и прочнее укоренялась в культурной почве советского государства. Удивительно, но высказывание философа, занесенное в протокол допроса, практически повторяет пророческое откровение Есенина, сделанное им в письме к Е. Лившиц почти за четверть века до горького признания Горского: «Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого. Ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений» [Есенин: 116].

И такое совпадение в пространстве русской духовной культуры кажется неслучайным. Случайным в данном отношении является лишь то, что Горскому и Есенину не суждено было встретиться при жизни. Однако этот факт, думается, нисколько не мешает тому, чтобы добавить еще один – и приметный – штрих в существующую ныне разноплановую картину восприятия современниками творческой личности Сергея Есенина.

Примечания

¹ О творческом родстве последней поэмы С. Есенина с циклом «Страшный мир» А. Блока подробно

но и обстоятельно говорится в статье Т.К. Савченко [Савченко].

² Стихотворение Н.А. Сетницкого на смерть Есенина не разыскано (см.: [Горский 2: 946]).

³ Тема памяти является ведущей в мемориальной лирике, и ее поэтическая репрезентация определяет модальную семантику текста (подробнее об этом см.: [Царькова 1999]).

⁴ В поэтическом сборнике «Памяти Есенина», изданном в 1926 году, в который помимо воспоминаний о поэте вошли 47 разных по своей эстетической ценности мемориальных стихотворений, художественное осмысление есенинского образа преимущественно основывается именно на этих семантических конструктах (см.: [Памяти Есенина: 159–233]).

Список литературы

- Воронова О.Е.* Космические мотивы в поэзии С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2011. № 17. С. 6–13.
- Воронова О.Е.* Мировоззрение С.А. Есенина: опыт структурного анализа // Современное есениноведение. 2012. № 20. С. 31–35.
- Воронова О.Е.* Поэма «Небесный барабанщик» как финал «библейского цикла» С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2016а. № 4 (39). С. 21–26.
- Воронова О.Е.* Поэма С.А. Есенина «Пантократор»: религиозно-философский и историко-культурный контекст // Современное есениноведение. 2016б. № 3 (38). С. 24–30.
- Воронова О.Е.* Поэма С. Есенина «Иорданская голубица» как опыт необиблейского мифотворчества // Современное есениноведение. 2016в. № 2 (37). С. 64–69.
- Воронова О.Е.* Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань: Узорочь, 2002. 498 с.
- Воронова О.Е.* Софийно-пантеистические мотивы в ранней лирике Сергея Есенина // Современное есениноведение. 2015. № 4 (35). С. 54–57.
- Гачева А.Г.* «Крест над вьюгой»: Философ Александр Горский – о поэме Александра Блока «Двенадцать» // Литературный факт. 2018. № 7. С. 197–256. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2018-7-197-256>
- Гачева А.Г.* Идеал психосинтеза и метаморфозы пола в философской и художественной практике А.К. Горского // Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье. Москва: ИМЛИ РАН, 2023. С. 398–419. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-398-419>
- Гачева А.Г.* Идея литургической поэзии в эстетике и художественной практике А.К. Горского // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 1. С. 108–161. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6001>
- Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. Статьи. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1952. С. 369–409.

Горский А.К. Сочинения и письма: в 2 кн. / вступ. ст., подгот. текста, сост. и коммент. А.Г. Гачевой. Москва: ИМЛИ РАН, 2018.

Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Санкт-Петербург: Наука, 1988-1996.

Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Письма. Москва: Наука: Голос, 1999. 818 с.

Летопись – Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. Т. 5, кн. 2. Москва: ИМЛИ РАН, 2018. 1158 с.

Макаров В.Г. Александр Горский: судьба, покалеченная «по праву власти» // Вопросы философии. 2002. № 8. С. 98–133. URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/document/mak02vf1.htm?ysclid=ls7av8318m819871652> (дата обращения: 3.03.2023).

Мифы – Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А–К. Москва: НИ «Большая советская энциклопедия», 2000. 672 с.

Монина Н.П. Идеи космизма в поэзии серебряного века // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 326–339.

Памяти Есенина: сборник. Москва: Изд-во Всероссийского союза поэтов, 1926. 269 с.

Савченко Т.К. Поэтический цикл А. Блока «Страшный мир» и поэма С. Есенина «Черный человек» // Есенин академический: Актуальные проблемы научного издания. Москва: Наследие, 1995. С. 181–189.

Салмина И.Ю. История формирования идей философии космизма в русской культуре: дис. ... канд. философ. наук. Мурманск, 2005. 150 с.

Семенова С.Г. Метафизика русской литературы: в 2 т. Т. 1. Москва: Издательский дом «Порог», 2004. С. 359–389.

Сергина С.А., Субботин С.И. Поэма С.А. Есенина «Преображение» как произведение религиозно-философской направленности: образец энциклопедической статьи // Сергей Есенин в контексте русской и мировой литературы: сб. науч. трудов. Москва; Константиново; Рязань: Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2020. Вып. 7. С. 90–98.

Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Москва: Прогресс, 1995. 517 с.

Федотов Г.П. Любовь и социология // Православное дело. Париж: [Б. и.], 1939. 91 с.

Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков: Источники. Эволюция. Поэтика. Санкт-Петербург: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999. 198 с.

References

Dostoevskii F.M. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected works: in 15 vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1988-1996. (In Russ.)

Fedorov N.F. *Sobr. soch.: v 15 t. T. 1* [Collected works: in 15 vols. Vol. 1]. Moscow, Progress Publ., 1995, 517p. (In Russ.)

Fedotov G.P. *Liubov' i sotsiologiia* [Love and sociology]. *Pravoslavnoe delo* [Orthodox Affairs]. Paris, 1939, 91 p. (In Russ.)

Gacheva A.G. «Krest nad v'iugoi»: *Filosof Aleksandr Gorskii – o poeme Aleksandra Bloka «Dvenadtsat'»* ["A cross over snowstorm": Philosopher Alexander Gorsky on Alexander Blok's poem "The Twelve"]. *Literaturnyi fakt* [Literary Fact], 2018, No. 7, pp. 197-256. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2018-7-197-256> (In Russ.)

Gacheva A.G. *Ideal psikhosinteza i metamorfozy pola v filozofskoi i khudozhestvennoi praktike A.K. Gorskogo* [The ideal of psychosynthesis and metamorphosis of gender in A.K. Gorsky's philosophical and artistic practice]. *Femininnost' i maskulinnost' v kul'ture moderna: Rossiia i zarubezh'e* [Femininity and Masculinity in the Modernist Culture: Russia and Abroad]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2023, pp. 398-419. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-398-419> (In Russ.)

Gacheva A.G. *Ideia liturgicheskoi poezii v estetike i khudozhestvennoi praktike A.K. Gorskogo* [The Concept of the Liturgical Poetry in A. Gorsky's Aesthetics and Artistic Practice]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [The problems of historical poetics], 2019, vol. 17, No. 1, pp. 108-161. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6001> (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t. T. 8. Stat'i* [Complete works: in 14 vols. Vol. 8: Articles]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1952, 816 p. (In Russ.)

Gorskii A.K. *Sochineniia i pis'ma: v 2 kn.* [Essays and letters: in 2 vols.], introductory article, text prep., comp. and comment. by A.G. Gacheva. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Eсенина: v 5 t. T. 5, kn. 2 [Chronicle of the life and work of S.A. Eсениn: in 5 vols. Vol. 5, iss. 2]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, pp. 1158. (In Russ.)

Makarov V.G. *Aleksandr Gorskii: sud'ba, pokalechennaia «po pravu vlasti»* [Alexander Gorsky: fate crippled "by right of power"]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 2002, vol. 8, pp. 98-133. URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/document/mak02vf1.htm?ysclid=ls7av8318m819871652> (access date: 3.03.2023). (In Russ.)

Mify narodov mira. Entsiklopediia: v 2 t. T. 1: A–K [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 15 vols. Vol. 1, A–K]. Moscow, Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia Publ., 2000, 672 p. (In Russ.)

Monina N.P. *Idei kosmizma v poezii serebriannogo veka* [Ideas of cosmism in the poetry of the Silver Age]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and social sciences], 2015, vol. 3, pp. 326-339. (In Russ.)

Pamiati Esenina: sbornik [In memory of Yesenin: collection]. Moscow, Vserossiiskii soiuz poetov Publ., 1926, 269 p. (In Russ.)

Savchenko T.K. *Poeticheskii tsikl A. Bloka «Strashnyi mir» i poema S. Esenina «Chernyi chelovek»* [A. Blok's poetic cycle "Terrible World" and S. Yesenin's poem "Black Man"]. *Esenin akademicheskii: Aktual'nye problemy nauchnogo izdaniia* [Academic Yesenin: Current problems of scientific publication]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 181-189. (In Russ.)

Salmina I.Iu. *Istoriia formirovaniia idei filosofii kosmizma v russkoi kul'ture: dis. ... kand. filosof. nauk* [The history of the formation of ideas of the philosophy of cosmism in Russian culture: DSc thesis]. Murmansk, 2005, p. 150. (In Russ.)

Semenova S.G. *Metafizika russkoi literatury: v 2 t. T. 1* [Metaphysics of Russian literature: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, izdatel'skii dom «Porog» Publ., 2004, pp. 359-389. (In Russ.)

Seregina S.A., Subbotin S.I. *Poema S.A. Esenina «Preobrazhenie» kak proizvedenie religiozno-filosofskoi napravlenosti: obrazets entsiklopedicheskoi stat'i* [S.A. Yesenin's poem "Transfiguration" as a work of religious and philosophical orientation: a sample encyclopedic article]. *Sergei Esenin v kontekste russkoi i mirovoi literatury. Vyp. 7* [Sergei Yesenin in the context of Russian and world literature. Vol. 7]. Moscow; Konstantinovo; Riazan, State Museum-Reserve of S.A. Yesenin Publ., 2020, pp. 90-98. (In Russ.)

Tsar'kova T.S. *Russkaia stikhotvornaia epitafiia XIX-XX vekov: Istochniki. Evoliutsiia. Poetika* [Russian poetic epitaph of the 19th-20th centuries: Sources. Evolution. Poetics]. St. Petersburg, Rus.-Balt. inform. tsentr BLITs Publ., 1999, 198 p. (In Russ.)

Voronova O.E. *Kosmicheskie motivy v poezii S.A. Esenina* [Cosmic motives in the poetry of S.A. Yesenin]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yeseninovedenie], 2011, No. 17, pp. 6-13. (In Russ.)

Voronova O.E. *Mirovozzrenie S.A. Esenina: opyt strukturnogo analiza* [Worldview of S.A. Yesenin: experience of structural analysis]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yeseninovedenie], 2012, No. 20, pp. 31-35. (In Russ.)

Voronova O.E. *Poema «Nebesnyi barabanshchik» kak final «bibleiskogo tsikla» S.A. Esenina* [The poem "Heavenly Drummer" as the finale of the "Biblical cycle" by S.A. Yesenin]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yeseninovedenie], 2016a, No. 4 (39), vol. 21-26. (In Russ.)

Voronova O.E. *Poema S.A. Esenina «Pantokrator»: religiozno-filosofskii i istoriko-kul'turnyi kontekst* [S.A. Yesenin's poem "Pantocrator": religious-philosophical and historical-cultural context]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yeseninovedenie], 2016b, No. 3 (38), pp. 24-30. (In Russ.)

Voronova O.E. *Poema S. Esenina «Iordanskaia golubitsa» kak opyt neobibleiskogo mifotvorchestva* [S. Esenin's poem "Dove of Jordan" as an experience of neobiblical mythmaking]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yeseninovedenie], 2016v, No. 2 (37), pp. 64-69. (In Russ.)

Voronova O.E. *Sergei Esenin i russkaia dukhovnaia kul'tura* [Sergei Yesenin and Russian spiritual culture]. Riazan, Uzorochie Publ., 2002, 498 p. (In Russ.)

Voronova O.E. *Sofiino-panteisticheskie motivy v rannei lirike Sergeia Esenina* [Sophianic-pantheistic motives in Sergei Esenin's early lyric poetry]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yeseninovedenie], 2015, No. 4 (35), pp. 54-57. (In Russ.)

Yesenin S.A. *Polnoe sobranie sochineniy: v 7 t. T. 6. Pis'ma* [Complete works: in 7 vols. Vol. 6: Letters]. Moscow, IMLI RAN Publ., 1999, 818 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 28.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 13.05.2024.